

DOI: 10.31857/S0869049922040037
EDN: EYDOSB

ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА THE VALUE STATUS OF A PERSON

Оригинальная статья / Original Article

Постгуманизм vs трансгуманизм: от «конца исключительности» к «технологическому гуманизму»¹

© С.С. МЕРЗЛЯКОВ

Мерзляков Сергей Сергеевич, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), merzliakovs@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5047-1690

Постгуманизм и трансгуманизм часто отождествляют. Однако современные исследователи указывают на принципиальную разницу между этими интеллектуальными школами. Фундаментальная идея постгуманизма – отказ от биологического, этического и онтологического антропоцентризма. Трансгуманизм фиксирует внимание на изменении и улучшении естественных характеристик человека за счет биологических, технологических и когнитивных модификаций. Если постгуманизм обращает внимание на кризис гуманизма, то трансгуманизм можно назвать его наследником. В статье рассматриваются научные и этические следствия постгуманизма, а также социокультурный потенциал трансгуманизма. Постгуманизм несет в себе риски смещения ценностного фокуса с человека на другие объекты, что в долгосрочном плане может привести к критичному снижению ценностного статуса человека. Трансгуманизм имеет потенциал сохранить человека в качестве эффективного экономического и познающего субъекта. В статье делается предположение, что российское общество обладает социокультурным потенциалом для движения в направлении «технологического гуманизма».

Ключевые слова: постгуманизм, трансгуманизм, антигуманизм, культура, технологический гуманизм

Цитирование: Мерзляков С.С. (2022) Постгуманизм vs трансгуманизм: от «конца исключительности» к «технологическому гуманизму» // Общественные науки и современность. № 4. С. 33–46. DOI: 10.31857/S0869049922040037, EDN: EYDOSB

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00835.

Funding. The study was carried out with financial support by the RFBR under project No. 20-011-00835.

Posthumanism vs Transhumanism: From the “End of Exclusivity” to “Technological Humanism”

© S. MERZLYAKOV

Sergei S. Merzlyakov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), merzliakovs@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5047-1690

Abstract. Posthumanism and transhumanism are often identified. However, modern researchers point out the fundamental difference between these intellectual schools. The fundamental idea of posthumanism is the rejection of biological, ethical and ontological anthropocentrism. Transhumanism focuses on changing and improving the natural characteristics of a person through biological, technological and cognitive modifications. If posthumanism draws attention to the crisis of humanism, then transhumanism is its heir. The article examines scientific and ethical consequences of posthumanism, as well as the socio-cultural potential of transhumanism. Posthumanism carries risks of shifting the value focus from a person to other objects, which in the long term can lead to a critical decrease in the value status of a person. Transhumanism has the potential to preserve a person as an effective economic and cognizing subject. The article suggests that Russian society has a socio-cultural potential for moving in the direction of “technological humanism”.

Keywords: posthumanism, transhumanism, antihumanism, culture, technological humanism

Citation: Merzlyakov S. (2022) Posthumanism vs Transhumanism: From the “End of Exclusivity” to “Technological Humanism”. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 33–46. DOI: 10.31857/S0869049922040037, EDN: EYDOSB

Введение

Постгуманизм и трансгуманизм часто отождествляют, однако исследователи указывают на ошибку такого сравнения: постгуманизм и трансгуманизм обозначают различные интеллектуальные школы, которые противоречат друг другу в принципиальных вопросах [Ferrando 2013]. Трансгуманизм работает с человеком, его естественными ограничениями и потенциальными вариантами их снятия. Постгуманизм, в свою очередь, расширяет само пространство субъектности за счет включения в него нечеловеческих объектов и отказа от бинарных оппозиций человеческое-нечеловеческое, культура-природа, гуманизм-антигуманизм [Криман 2019].

Постгуманизм лишает человека привилегированного этического, правового и онтологического статуса, помещая его в один ряд с другими объектами мира. Концептуальными основаниями постгуманизма выступают: научные открытия, которые сблизили человека и других живых существ, что привело к размыванию границы между ними; развитие технологий – в частности, искусственного интеллекта; деформация представлений о человеке в философии постмодерна. Идеологическим фундаментом постгуманизма становится отказ от этического и биологического антропоцентризма [Braidotti 2013]. Трансгуманизм, в свою очередь, наследует идеи Просвещения и фиксирует внимание на человеке, работая над программой по улучшению и изменению человеческих характеристик за счет биологических, технологических и когнитивных модификаций.

Если постгуманизм предполагает отказ от антропоцентризма, то трансгуманизм либо сохраняет за человеком центральное положение, либо не проблематизирует его положение

ние среди других объектов. Трансгуманизм можно рассматривать как «усиление» гуманизма, в то время как постгуманизм обращает внимание на кризис гуманизма [Ranisch, Sorgner 2014]. Трансгуманизм пытается преодолеть интеллектуальные и физические ограничения человека, в то время как постгуманизм пытается преодолеть гуманизм [Jansen, Leeuwenkamp, Urricelqui 2021]. В данной статье рассмотрены научные, этические и мета-философские основания постгуманизма, а также социокультурный потенциал идей трансгуманизма.

Научные основания и следствия постгуманизма

Одним из следствий развития науки о жизни стало то, что признаками, которые ранее считались видоспецифическими для человека, стали наделять другие объекты. В качестве примера данной тенденции можно привести «эмансипацию сознания»: в XX в. высшими психическими функциями наделили некоторых животных, затем начались дискуссии о реализации сознания на искусственном носителе и возможности наличия сознания у растений [Segundo-Ortin, Calvo 2021]. Закономерным результатом этого процесса становятся современные версии панпсихизма, которые сопровождаются обсуждением протофеноменальных свойств мира [Чалмерс 2013] – расширение пространства распространения сознания в мире привело к наделению сознанием вещей. Постгуманизм актуализирует данный процесс через представление о необходимости отказаться от антропоцентризма в силу очевидного «конца человеческой исключительности». Однако такой подход ограничивает исследование ряда феноменов, например, сознания.

Психофизическая проблема² указывает на «провал в объяснении» – в настоящее время не существует общепризнанного представления о том, как сознание в виде субъективных переживаний вписано в мир физических взаимодействий. Проблема связи ментального и физического в настоящее время настолько сложна, что некоторые ученые заявляют о ее принципиальной неразрешимости и указывают на вероятную «когнитивную замкнутость» человека по отношению к проблеме сознание-тело [McGinn 1999].

Следствием и одним из элементов «трудной проблемы сознания» становится отсутствие общепризнанных представлений о функции сознания в современной науке – мы не знаем, что сознание делает и почему наша жизнь вообще не проходит «в темноте» [Van Gulick 2021]. Какова эволюционная причина того, что физические процессы в мозге сопровождаются «светом сознания», то есть субъективными переживаниями? Пока ответа нет. Таким образом, наука имеет смутные представления о функции сознания и такие же смутные представления о природе связи сознания и материи. Оно остается одновременно и самым близким каждому явлением, и главной научной загадкой.

Однако, если проблема сознания настолько трудна, то каковы сугубо научные основания постгуманизма, который предлагает расширить антропологическое пространство за счет других объектов? Если мы не знаем, какую функцию выполняет некий «спрятанный» от внешнего наблюдателя когнитивный модуль, как мы можем наделять этим модулем других животных, а тем более искусственные объекты? М. Шеффер утверждает, что наступил конец человеческой исключительности, при этом, вспоминая проблему сознания, указывает на то, что «есть настоящая нужда погодить» с дискуссией о сознательных состояниях [Шеффер 2010]. Однако в таком случае совершенно непонятно, почему не следует «погодить» с самим утверждением конца человеческой исключительности, которая, по

² В современной экспликации – «трудная проблема сознания» [Chalmers 1995].

одному из наиболее вероятных сценариев, как раз выступает следствием человеческой видоспецифичности сознания.

Летучая мышь использует эхолокацию для того, чтобы ориентироваться в темноте. Эхолокация – крайне любопытное эволюционное приспособление, которое возникло у некоторых животных. Обладают ли собаки такой способностью? Данный вопрос может поставить в тупик. Большинство людей ответят на него отрицательно. Однако почему мы склонны думать, что у собак нет эхолокации? Самым очевидным ответом будет то, что собаки просто не нуждаются для своего выживания как вида в той функции, которую выполняет эхолокация у летучих мышей – поэтому мы предполагаем, что у них ее нет. Если у собаки нет способности к эхолокации, то почему у нее должно быть сознание? Какие у нас есть основания наделять неким скрытым от внешнего наблюдателя свойством другие объекты, если мы не знаем, как оно проявляется в поведении объекта? Если бы летучие мыши были достаточно разумны для того, чтобы перенести на других животных свои особенности, но недостаточно разумны для того, чтобы понять, зачем им самим эхолокация, то они могли бы подумать, что человек тоже обладает этой способностью – и ошиблись бы.

Сознание может быть видоспецифическим признаком человека. В таком случае постгуманизм представляет собой необоснованное расширение антропологического пространства. Нам может не нравиться идея об исключительности человека по некоторым этическим соображениям, но с сугубо научной точки зрения это – не причина отказывать человеку в подобной исключительности. Функции сознания может не быть у других животных, а само сознание может быть особенностью человека. До тех пор, пока не будет определена функция сознания, не существует рациональных оснований для того, чтобы наделять им другие объекты. Соответственно, остается вероятность того, что существует принципиальная разница между человеком и другими объектами мира.

Таким образом, постгуманизм с его вектором на расширение присутствия сознания в мире – вплоть до одушевления неживых объектов – оказывается формой анимизма и противоречит науке. Позицию, согласно которой человек не обладает некоторым уникальным свойством по причине того, что нам комфортен отказ от антропоцентризма, можно назвать этической и политической, но ни в коем случае не научной. Следовательно, постгуманизм нельзя считать научной доктриной – он представляет собой исключительно своеобразную этическую или политическую концепцию. Обратимся к сугубо этическим основаниям и следствиям постгуманизма.

Этические основания и следствия постгуманизма

Этические следствия автор разделяет на две группы:

1. снижение ценностного статуса человека по причине появления нечеловеческих субъектов морали;
2. снижение ценностного статуса человека в связи с социально-экономическими изменениями.

Нечеловеческие субъекты морали. Здесь речь идет о включении в пространство морали других животных и растений. Начинаются дискуссии о моральном статусе искусственного интеллекта и о том, есть ли у машин потенциал быть моральным агентом [Bostrom, Yudkowsky 2011]. Подобное расширение этического пространства фиксирует принимаемую человеком ответственность за окружающую среду и безусловно носит позитивный характер. Забота о среде обитания – результат рационального отношения к собственным долгосрочным целям: заботясь о мире, человек инвестирует в свое будущее.

Однако критичное расширение пространства морали влечет за собой жесткую ценностную деформацию, которая может крайне негативно сказаться на статусе человека. Если мы наделяем статусом моральных агентов отличные от человека объекты, то «этический фокус» закономерно смещается с человека – у него остается меньше этических привилегий. Данный процесс нормален, если речь идет о границах дозволенного поведения человека. Однако необходимо прояснить, что значит «меньше этических привилегий»: насколько меньше?

В настоящее время наблюдается тренд на этический антропоморфизм. Мы уже готовы воспринимать компьютер в качестве равного себе морального субъекта и обсуждать моральные привилегии машины – в эту сторону человечество влечет развитие технологий и сопутствующая культурная оболочка. Также общество готово воспринимать другие виды животных в качестве равных себе моральных субъектов благодаря развитию наук о жизни, которые постепенно стирают грань между человеком и животными (напр.: [Olson 2015]). Тем не менее, в долгосрочной перспективе движение в данном направлении может быть опасно, поэтому следует обратить внимание на возможные риски.

Приведем небольшую иллюстрацию. В одной из социальных сетей автор обратил внимание на обсуждение новости о создании противовирусной вакцины для животных. Первым комментарием было, возможно, не совсем корректное, но невинное и вполне стандартно-оппозиционное для русскоязычного интернета замечание, фиксирующее позицию, с которой одинаково легко можно как согласиться, так и не согласиться: «... для животных делаем. А детям собираем по СМС на импортные лекарства... Разве это не бред?» (рис. 1). Однако нас интересует комментарий к этому замечанию, который имеет отчетливо негативный и, более того, агрессивный характер: «Да вы достали уже со своими детьми. Везде, где помогают животным, вылезает орущая тварь с криками: а детям что? Да ничто! В мире не только ваши дети живут, животных тоже надо спасать и лечить. Реально уже достали с детьми».

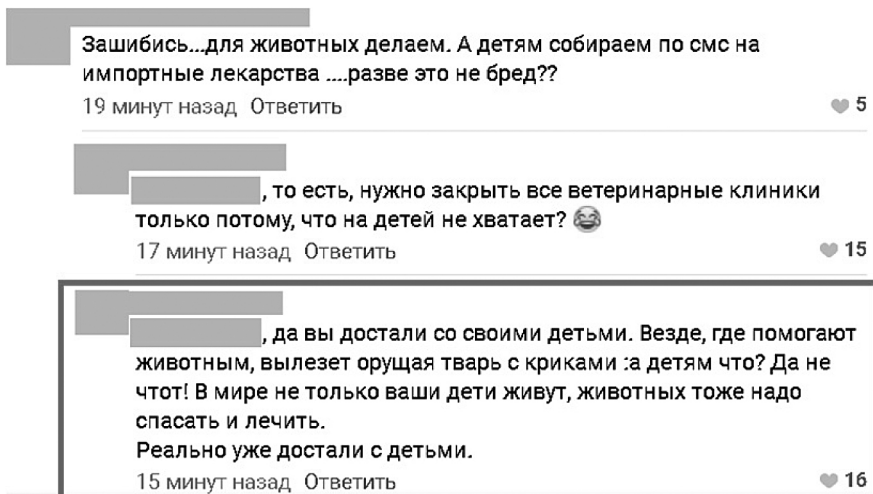

Рис. 1. Обсуждение создания вакцины для животных в социальной сети
Figure 1. Discussion of the creation of a vaccine for animals in a social network

На взгляд автора, данный пример иллюстрирует тренд на расширение пространства этики, что приводит к смещению фокуса с человека на другие объекты – вплоть до кри-

тичного снижения этического статуса человека. Стоит обратить внимание на то, что подобная агрессивная позиция – не мнение одного человека, но знак набирающего силу тренда. Вероятно, он будет усиливаться под влиянием социокультурных процессов, которые сопровождают распространение постгуманистического мышления: постгуманизм легко превращается в антигуманизм. Возможно, мы пока недостаточно отдаем себе отчет в том, что наделение животных статусом моральных агентов, равных человеку, приведет не только к тому, что мы будем относиться к животным как к человеку, но и к тому, что к человеку мы начнем относиться как к животному. И если вещь становится человеком, то и человек становится вещью.

Ценностная надстройка над экономическим базисом. Быстрое развитие технологий – в частности, искусственного интеллекта – ускоряет процессы автоматизации производства. Что, в свою очередь, ставит вопрос о роли человека в экономике будущего: если искусственные системы могут эффективнее выполнять функции человека, то какое место он как потенциально неэффективный экономический агент займет в экономике? Ускорение инновационного процесса и роботизации привело к новому витку обсуждения технологической безработицы – уменьшения количества рабочих мест в связи с технологическими изменениями.

Оптимистичные взгляды на проблему указывают на компенсирующие эффекты: несмотря на то, что технологические инновации действительно могут приводить к сокращению рабочих мест, эти последствия имеют временный характер и в долгосрочной перспективе технологии «компенсируют» сокращение рабочих мест за счет появления новых профессий и новых продуктов. Оптимистичные сценарии обращают внимание на то, что снижение спроса на рабочую силу – исключительно теоретическая возможность [Корневский 2021]. В рамках таких сценариев дают рекомендации по подготовке к будущей трансформации, например, в виде обучения новым навыкам [Земцов 2018]. Предполагается, что роботизация не приведет к исключению человека как экономического субъекта из экономики, но лишь изменит структуру компетенций – как уже не раз происходило в истории. Другими словами, современная проблема технологической безработицы – это стандартная проблема актуальных навыков и профессий, которая будет решена так же, как в прошлом.

Однако теорию компенсации ставят под сомнение в современных исследованиях [Vivarelli 2007]. Ряд авторов высказывают опасения, что новые технологии могут сделать человеческий труд избыточным [Acemoglu, Restrepo 2018]. В то же время, по некоторым прогнозам, уже к 2030 г. около 800 млн человек могут потерять свои рабочие места из-за автоматизации³. Будет ли этот процесс нивелирован эффектами компенсации – открытый вопрос. Стоит отметить, что речь идет вовсе не о замене только тех профессий, которые связаны с физическим трудом или относительно простыми действиями по алгоритму: ставится вопрос о замене искусственным интеллектом работников по специальностям, которые в настоящее время считаются интеллектуальными⁴.

Оптимистичные позиции относительно будущего взаимодействия человека и искусственного интеллекта, которые рекомендуют сменить образование и компенсировать

³ Jobs Lost, Jobs Gained: What the Future of Work Will Mean for Jobs, Skills, and Wages. Report. McKinsey Global Institute. November 28, 2017. (<https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages>).

⁴ Например, в сообществе разработчиков ПО активно идет дискуссия о возможности заменить самого программиста на программу. См., напр.: Движение No-code – конец программистов? Разбираем плюсы и минусы. Vc.ru. 30 июля 2020 года. (<https://vc.ru/services/146312-dvizhenie-no-code-konec-programmistov-razbiraem-plyusy-i-minusy>). Данное обсуждение фиксирует проблему: рано или поздно искусственный интеллект может заменить даже тех, кто его создает, потому что у интеллектуальных возможностей человека есть естественные границы.

развитие технологий новыми навыками, не учитывают, что возможности человека имеют границы. На длинной дистанции машина будет эффективнее человека во всем или почти во всем, потому что на дистанции искусственное функционально эффективнее естественного⁵.

Разумеется, саму по себе возможность избавить человека от рутинной работы (да и от работы вообще) нельзя считать ни принципиальной проблемой, ни негативным явлением в целом. Наоборот, жизнь без лишних работ – образ желаемого будущего⁶. Однако высока вероятность того, что экономике будущего человек будет не нужен, из-за чего возникает вопрос: зачем человека вообще сохранять (а тем более повышать качество его жизни)? Данный предельно жесткий и неприятный вопрос, вероятно, поставит экономическая целесообразность и усилит утрата человеком статуса исключительной ценности.

Экономическое развитие стремится к повышению эффективности, то есть к автоматизации производства. Соответственно, если в долгосрочной перспективе человек избыточен для экономического развития, то экономике будущего в качестве ценностного фундамента соответствует постгуманизм. Дело не только в том, что человек не нужен будет как эффективный экономический субъект – он теряет статус ценного объекта в принципе, что усиливается и утратой позиции самого сложного объекта во мире⁷. Биология и психология сделали его предсказуемым, а технологии сделали его контролируемым. Вещь становится объектом гораздо более сложным и ценным, а также менее предсказуемым. Другими словами, эффективному экономическому развитию выгодно смещение ценностного фокуса с человека на другие объекты (в том числе искусственные). В результате постгуманизм становится надстройкой над нарождающимся экономическим базисом: с развитием технологий капитал будет все меньше заинтересован в человеке, поэтому постгуманизм становится идеологией нового этапа капитализма.

Метафилософский аспект постгуманизма

Постгуманизм с его дегуманизацией дискурса и лишением человека привилегированного ценностного статуса – не только следствие развития науки и технологий, но и ответ на концепты постмодерна вроде смерти субъекта [Барт 1994], краха метанарративов [Лиотар 1998] и исторической обусловленности понятия «человек» [Фуко 1994]. Какова ценность начертанного на прибрежном песке лица, если через секунду оно будет смыто волной? Очень низкая. Однако, вынося человека за скобки, постмодерн лишь указывает

⁵ Можно, конечно, провести аналогию с историей о глупом зайце, который сам не знает, в какую сторону побежит, и поэтому у него получается перехитрить умную лису. В этой истории заяц – человек, а лиса – искусственный интеллект (Аузан А. Цифровая экономика: человеческий фактор. Полит.ру. 25.06.2019. (<https://polit.ru/article/2019/06/25/auzan/>)). Данная аналогия – пример рассуждения об интуиции и креативности как преимуществе человека перед машиной. Однако подобные метафоры и рассуждения похожи на откладывание решения проблемы или самообман: допустимо, что и интуиция основана на алгоритмах неосознаваемых процессов, и творчество не настолько исключительная особенность человека, как принято считать [Elgammal 2017].

⁶ В настоящее время обсуждают концепцию посттруда и рассматривают такие позитивные сценарии будущего, как «технологическое изобилие», «рай для незанятых» или «устойчивые общие блага» [Хайнс 2019]. Также обсуждается идея безусловного базового дохода, которую одни называют желаемым сценарием, а другие – экономически нереализуемой кабинетной утопией [Капелюшников 2020].

⁷ Специалисты обращают внимание на сложность искусственных систем. Данная особенность касается как сложности разработки – один человек в принципе не может знать, как функционируют все модули – так и механизмов обработки информации. Например, один из собеседников-программистов автора так выразился о работе нейросети: «Мы не понимаем, как нейросеть работает с информацией. Что внутри происходит тоже не знаем. Это черный ящик. Да, мы задаем начальные критерии, но на выходе получаем результат, неожиданный для нас самих».

на чрезмерную сложность вопроса его существования и фиксирует усталость человека от попыток разрешить ее – проблема решается путем игнорирования либо отрицания. Данная позиция слаба: о какой исторической обусловленности человека и крахе метанарративов может идти речь, если в наши дни главный метанарратив – существование в его онтологическом смысле – становится тем камнем преткновения, о который спотыкаются наука, технология и философия?

Человек выступает носителем существования в его онтологическом смысле: в настоящее время мы не можем говорить о том, что есть другие. Вероятно, между человеком и остальными объектами есть онтологический разрыв. Нельзя менять человека на них, потому что обмен бытия на небытие – это плохой размен как с точки зрения наших базовых интуиций, так и с точки зрения абсолютной ценности – существования самого по себе. Ценность человека больше не определяют его видовая принадлежность, функциональный потенциал, когнитивные характеристики или экономическая эффективность – она определяется его статусом носителя существования.

Человеку свойственно наделять объекты ценностью: мы выделяем некоторые объекты, присваивая им особую – а часто исключительную – для нас важность. Ценность объектов относительна и субъективна, потому что зависит от культурного, экономического или субъективного контекстов. Однако «красота в глазах смотрящего», поэтому даже наша среда обитания, наполненная объектами исключительной ценности для нас, – лишь приложение к существованию, то есть к возможности наличия ценности как таковой.

Вынесение человека за скобки и расширение пространства субъектности за счет других объектов позволяет получить удовольствие за счет избавления от необходимости решать чрезмерно сложную проблему. Постгуманизм предлагает нам заманчивую перспективу – наконец-то избавиться от человека, который перестал быть объектом нашего интереса, и выйти за границы утомившей нас человечности. Проблема в том, что нам некуда идти – мы и есть дом, из которого ведут все дороги.

Постгуманизм vs трансгуманизм

Человек не просто не может конкурировать с машиной функционально – он становится неинтересен сам себе, перестав быть способом расширения наших знаний о мире. Вернуть интерес к человеку можно, расширив антропологическое пространство за счет самого человека. В таком смысле трансгуманизм противостоит постгуманизму. Более того, трансгуманизм оказывается «лекарством» от постгуманизма. Несмотря на активное развитие технологий во всех сферах, технологии потенциального изменения человека развиваются медленнее, чем те, которые его функционально замещают. Данная тенденция связана как с очевидным страхом перед искусственным вмешательством в природу человека, так и с относительной простотой функционального замещения. Однако существуют риски, связанные с негативным изменением ценностного статуса человека. Нивелировать их можно, если выровнять динамику развития технологий замещения человека и технологий изменения человека. Страх перед искусственной трансформацией когнитивных и биологических возможностей может привести к непреодолимому ценностному отставанию человека от других объектов мира, то есть к доминированию постгуманизма в идеологическом пространстве. Вероятно, между неизвестностью трансгуманизма и «плохим» вариантом постгуманизма следует выбирать неизвестность.

Если задачей считать выравнивание технологий замещения и изменения, можно предложить некоторые элементы ее решения. Для того чтобы сохранить ценность человека, вовсе не нужно упрощать технологии. Наоборот, их нужно усложнять. Выбирая между

«простыми» технологиями и «сложными», следует выбирать последние. Под «сложными» технологиями понимаются те из них, которые не просто выполняют функции (например, контроля), но подчинены приоритету человека как главной цели и усложнены необходимостью соответствовать среде, в которой человек – главная цель⁸. Другими словами, «цифровой концлагерь» – это слишком просто [Мерзляков 2021].

Постгуманизм работает с человеком так, будто человек – это конец пути, тупик, из которого есть только один выход – назад к объектам. Однако как такое возможно, если сейчас уже ясно, что современный человек – начало нового этапа человеческого развития? Этот этап, впрочем, может остаться лишь потенцией, если человек утратит свой ценностный статус. Сейчас люди догоняют технологии. Возможно, следует приложить некоторые усилия для того, чтобы изменить данную тенденцию в обратную сторону. Соответственно, у человека должна быть свобода меняться, которая является этическим элементом «технологического гуманизма».

Социокультурный потенциал трансгуманизма

Парадоксально, но в настоящий момент ценностный статус человека снижается под действием двух традиционно противопоставляемых друг другу идеологических позиций. С одной стороны, его ценностный приоритет подвергают сомнению в западных либеральных обществах в силу вектора на расширение антропологического пространства за счет отличных от человека объектов – это закономерное следствие развития идей постгуманизма. С другой стороны, человек как абсолютная ценность испытывает давление со стороны «восточных» обществ, в ценностном каркасе которых он традиционно занимал подчиненное положение. Другими словами, даже то общество, которое традиционно считалось «защитником» отдельного человека, перестает им быть: у человека как главной ценности больше нет защиты. Разумеется, в долгосрочной перспективе данная ситуация опасна. Однако здесь можно обнаружить значимый потенциал для социокультурного развития: зажатая между двумя конкурирующими идеологическими системами, которые размывают ценностный статус человека, Россия может оказаться силой, способной взять на себя роль его «защитника». Обратим внимание на то, что России может быть близок «технологический гуманизм» в качестве варианта социокультурного развития.

Россияне положительно относятся к развитию технологий в целом, в связи с чем их можно считать скорее технооптимистами. Представление о том, что россияне – консерваторы-технофобы, не соответствует действительности, на что указывают как российские [Вахштайн 2016], так и международные исследования (таб. 1). Можно предположить, что технооптимизм россиян будет способствовать и развитию технологий, связанных с изменением и дополнением естественных характеристик человека. Движение в указанном направлении также соответствует российской культурной и интеллектуальной традиции – в частности, идеям русского космизма [Русский космизм 1993, 282–354]. Кроме того, Россия обладает научным и технологическим потенциалом в области улучшения естественных физиологических и когнитивных характеристик человека и демонстрирует позитивную динамику исследований в этом направлении (напр. [Дежина и др. 2020]).

⁸ Если говорить о технологиях контроля, то речь может идти о замене универсального контроля на адресный, отказе от контроля, общественном обсуждении, введении пространств, свободных от цифрового контроля, и т. п.

Таблица 1

**Как вы относитесь к тому, что в ближайшем будущем
большое внимание будет уделяться развитию технологий?**

Table 1

**How do you feel about the fact that in the near future
a lot of attention will be paid to technology development?**

	<i>Япония</i>	<i>Мексика</i>	<i>Россия</i>	<i>Турция</i>	<i>США</i>	<i>Германия</i>
<i>Хорошо</i>	68,4	56,9	73,9	54,6	54,2	74,8
<i>Без разницы</i>	26,9	29,3	13,7	31,6	38,8	11,1
<i>Плохо</i>	4,4	12,6	8,7	12,7	6,2	10,8
<i>Не знаю</i>	0	1,1	3,5	1	0,1	2,9
<i>Нет ответа</i>	0,3	0,1	0,1	0,2	0,7	0,5

Источник: *World Values Survey*

Source: *World Values Survey*

Движение в направлении «технологического гуманизма» может само по себе быть социокультурным преимуществом и укладываться в логику опережающего развития. Перенос социокультурных ценностей из другого общества может стать эффективным инструментом модернизации, но подобный перенос – элемент догоняющего развития и не всегда эффективен. Проблема заключается в том, что переносимые ценности могут входить в противоречие с актуальными неформальными институтами, которые могут меняться очень долго. Следовательно, важно находить и использовать национальные культурные специфики в целях модернизации общества. В таком случае появляется возможность для актуализации тех социокультурных механизмов, которые с высокой вероятностью могут позитивно использовать в будущем другие общества – подобные механизмы имеют потенциал быть не просто элементом социокультурного развития, но частью стратегии опережающего развития.

С точки зрения логики опережающего развития, эффективнее ориентироваться на те культурные особенности, которые укладываются в тренды, но опережают их [Мерзляков 2020]. В этом случае продуктивнее эмансипировать группы людей, которые уже включают в свой состав эмансипированные в потенциальном обществе-доноре общности, то есть искать наиболее перспективные варианты «будущей» эмансипации. Перспективной с точки зрения эмансипирующего эффекта и потенциала вовлечения группой автор считает людей, либо уже имеющих технологическую/биологическую модификацию, либо оценивающих данное явление позитивно. В условном «параде аугментированных» могут участвовать как те, кто уже имеет некую модификацию, так и те, кто не возражает против самой идеи позитивного изменения человека. Не имеет принципиального значения, какое искусственное или отличающее от других людей дополнение есть у человека – искусственная рука, искусственный зуб, когнитивные особенности или волосы яркого цвета – эмансипирующий и интегрирующий эффекты действуют на всех людей. Позитивными следствиями будут: демонстрация технооптимизма россиян, их ориентации на будущее; сигнал российским компаниям, имеющим потенциал для развития в этом направлении о наличии внутреннего рынка; «мягкая» реинтеграция российского общества в западную культуру в формате культурного опережения⁹; формирование объ-

⁹ Опережающее развитие предполагает «игру по своим правилам» и, следовательно, меньшее сопротивление противников культурного давления извне.

единяющей общество «идентичности будущего» с сильным этическим фундаментом; эмансипация большого количества людей¹⁰. Таким образом, потенциал социокультурного развития в данном направлении обусловлен не только «жестким» этическим каркасом, но также прагматической целесообразностью и социокультурными характеристиками российского общества.

Выводы

Постгуманизм можно назвать полезной концепцией с точки зрения науки, этики и философии, потому что он меняет исследовательскую оптику и позволяет иначе взглянуть на существующие проблемы. Однако он несет в себе долгосрочные риски. С точки зрения науки, постгуманизм игнорирует проблему сознания, которое может быть видоспецифическим признаком человека. До тех пор, пока наука не разобралась с природой сознания и его функцией, нет оснований наделять им другие объекты. Необоснованное расширение присутствия сознания в мире приводит к современным вариантам панпсихизма и абсолютизации анимизма, то есть к ненаучным спекуляциям. С точки зрения этики, постгуманизм способен трансформироваться в антигуманизм. Постгуманизм можно рассматривать как ценностный фундамент нового этапа развития капитализма, который сопровождается постепенной утратой человеком своего ценностного статуса в качестве эффективного экономического субъекта. Альтернативой постгуманизму может быть движение в направлении «технологического гуманизма», которое, предположительно, соответствует социокультурным характеристикам российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р. (1989) Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: «Прогресс». С. 384–391.
- Вахштайн В. и др. (2016) Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М.: МВШСЭН.
- Дежина И.Г. и др. (2020) Технологии восстановления и расширения ресурсов мозга человека: публичный аналитический доклад. М.: ООО «Лайм».
- Земцов С.П. (2018) Смогут ли роботы заменить людей? Оценка рисков автоматизации в регионах России // Инновации. № 4. С. 49–55.
- Капелюшников Р. И. (2020) Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? Препринт. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Корневский С.С. (2021) Влияние технологического прогресса на уровень безработицы // Инновации. Наука. Образование. № 25. С. 892–896.
- Криман А.И. (2019) Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // Философские науки. Т. 62. № 4. С. 132–147.
- Лиотар Ж.-Ф. (1998) Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии.
- Мерзляков С.С. (2020) Социокультурная модернизация в логике модели опережающего развития // Философия хозяйства. № 6. С. 114–123.

¹⁰ Людей, которые так или иначе испытывают дискомфорт от определенных отличий. Принятие искусственных изменений – это и история о принятии отличий в принципе, поэтому движение в данном направлении позволяет эмансипировать различные группы людей.

- Мерзляков С.С. (2021) Российский IT-специалист: между «цифровым концлагерем» и «технологическим гуманизмом» // Вопросы инновационной экономики. № 4. С. 1543–1556.
- Русский космизм: Антология философской мысли (1993) М.: Педагогика-Пресс.
- Фуко М. (1994) Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад. 408 с.
- Хайнс Э. (2019) Как подготовиться к «безработному» будущему // Форсайт. Т. 13. № 1. С. 19–30.
- Чалмерс Д. (2013) Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС. 512 с.
- Шеффер Ж.-М. (2010) Конец человеческой исключительности. М.: НЛО. 392 с.
- Acemoglu D., Restrepo P. (2018) The Race between Man and Machine: Implications of Technology for Growth, Factor Shares, and Employment Daron // *American Economic Review*. No. 108. Pp. 1488–1542.
- Bostrom N., Yudkowsky E. (2011). The Ethics of Artificial Intelligence // In: *Cambridge Handbook of Artificial Intelligence*. Cambridge Press. (<https://nickbostrom.com/ethics/artificial-intelligence.pdf>).
- Braidotti R. (2013) *The Posthuman*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Chalmers D. (1995) Facing Up to the Problem of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. No. 2. Pp. 200–219.
- Elgammal A., Liu B., Elhoseiny M., Mazzone M. (2017) CAN: Creative Adversarial Networks, Generating “Art” by Learning about Styles and Deviating from Style Norms // arXiv preprint. (<https://arxiv.org/pdf/1706.07068.pdf>).
- Ferrando F. (2013) Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations // *Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts*. Vol. 8. No. 2. Pp. 26–32.
- Jansen Y., Leeuwenkamp J., Urricelqui L. (2021) Posthumanism and the “Posterizing Impulse” // In: *Post-Everything. An Intellectual History of Post-Concepts*. Manchester: Manchester University Press. Pp. 215–233.
- McGinn C. (1999) *The Mysterious Flame: Conscious Minds in the Material World*. New York: Basic Book. 262 p.
- Olson E. (2015) What Does It Mean to Say That We Are Animals? // *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 22. No. 11-12. Pp. 84–107.
- Ranisch R., Sorgner S. (2014) *Post- and Transhumanism: An Introduction*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 313 p. Pp. 7–27.
- Segundo-Ortin M., Calvo P. (2021) Consciousness and Cognition in Plants // *WIREs Cognitive Science*. Vol. 13. Issue 2. E1578.
- Van Gulick R. (2021) Consciousness // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Ed(s): Zalta E.N. (<https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/consciousness/>).
- Vivarel M. (2007) *Innovation and Employment: A Survey*. IZA Discussion Paper No. 2621. Bonn: The Institute for the Study of Labor (IZA).

REFERENCES

- Acemoglu D., Restrepo P. (2018) The Race between Man and Machine: Implications of Technology for Growth, Factor Shares, and Employment Daron. *American Economic Review*. no. 108, pp. 1488–1542.
- Barthes R. (1994) Smert’ avtora [The Death of the Author]. In: *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow: Progress. pp. 384–391.
- Braidotti R. (2013) *The Posthuman*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Bostrom N., Yudkowsky E. (2011). The Ethics of Artificial Intelligence. In: *Cambridge Handbook of Artificial Intelligence*. Cambridge: Cambridge Press. (<https://nickbostrom.com/ethics/artificial-intelligence.pdf>).
- Chalmers D. (1995) Facing Up to the Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. no. 2, pp. 200–219.

- Chalmers D. (2013) *Soznayushchij um: v poiskah fundamental'noj teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Moscow: URSS. 512 p.
- Dezhina I.G. et al. (2020) *Tekhnologii vosstanovleniya i rasshireniya resursov mozga cheloveka: publichnyj analiticheskij doklad* [Technologies for Restoring and Expanding Human Brain Resources: Public Analytical Report]. Moscow: OOO «Lajm».
- Elgammal A., Liu B., Elhoseiny M., Mazzone M. (2017) CAN: Creative Adversarial Networks, Generating “Art” by Learning about Styles and Deviating from Style Norms. *arXiv preprint*. (<https://arxiv.org/pdf/1706.07068.pdf>).
- Ferrando F. (2013) Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations. *Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts*. vol. 8, no. 2, pp. 26–32.
- Foucault M. (1994) *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnyh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. SPb.: A-cad. 408 p.
- Hajnes A. (2019) Kak podgotovit'sya k «bezrobotnomu» budushchemu [Getting Ready for a PostWork Future]. *Forsajt*. no. 1, pp. 19–30.
- Jansen Y., Leeuwenkamp J., Urricelqui L. (2021) Posthumanism and the “Posterizing Impulse”. In: *Post-Everything. An Intellectual History of Post-Concepts*. Manchester: Manchester University Press. pp. 215–233.
- Kapelyushnikov R. I. (2020) *Universal'nyj bazovyj dohod: est' li u nego budushchee?* [Universal Basic Income: Does It Have a Future?]. Preprint. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki.
- Korenevskij S.S. (2021) Vliyanie tekhnologicheskogo progressa na uroven' bezroboticy [The Impact of Technological Progress on the Unemployment Rate]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*. no. 25, pp. 892–896.
- Kriman A.I. (2019) Ideya postcheloveka: sravnitel'nyj analiz transgumanizma i postgumanizma [The Idea of the Posthuman: A Comparative Analysis of Transhumanism and Posthumanism]. *Filosofskie nauki*. vol. 62, no. 4, pp. 132–147.
- Liotard J-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii.
- McGinn C. (1999) *The Mysterious Flame: Conscious Minds in the Material World*. New York: Basic Book. 262 p.
- Merzlyakov S. (2020) Sociokul'turnaya modernizaciya v logike modeli operzhayushchego razvitiya [Socio-Cultural Modernization in the Logic of the Model of Advanced Development]. *Filosofiya hozyajstva*. no. 6, pp. 114–123.
- Merzlyakov S. (2021) Rossijskij IT-specialist: mezhdru «cifrovym konclagerem» i «tekhnologicheskim gumanizmom» [Russian IT Specialist: Between the «Digital Concentration Camp» and «Technological Humanism»]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*. no. 4, pp. 1543–1556.
- Olson E. (2015) What Does It Mean to Say That We Are Animals? *Journal of Consciousness Studies*. vol. 22, no. 11-12, pp. 84–107.
- Ranisch R., Sorgner S. (2014) *Post- and Transhumanism: An Introduction*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 313 p, pp. 7–27.
- Russkij kosmizm: Antologiya filosofskoj mysli* [Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought] (1993) Moscow: Pedagogika-Press.
- Schaeffer J.-M. (2010) *Konec chelovecheskoj isklyuchitel'nosti* [The End of Human Exceptionalism]. M.: NLO. 392 p.
- Segundo-Ortin M., Calvo P. (2021) Consciousness and Cognition in Plants. *WIREs Cognitive Science*. vol. 13, issue 2, e1578.
- Van Gulick R. (2021) Consciousness. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Ed(s): Zalta E.N. (<https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/consciousness/>).

Vahshtajn V. et al. (2016) *Publichnyj otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya povedencheskih i institucional'nyh predposylok tekhnologicheskogo razvitiya regionov RF* [Public Report on the Results of a Sociological Study of Behavioral and Institutional Prerequisites for Technological Development of the Regions of the Russian Federation]. Moscow: MVSHSEN.

Vivarel M. (2007) *Innovation and Employment: A Survey*. IZA Discussion Paper No. 2621. Bonn: The Institute for the Study of Labor (IZA).

Zemcov S.P. (2018) Smogut li roboty zamenit' lyudej? Ocenka riskov avtomatizacii v regionah Rossii [Will Robots be Able to Replace Humans? Assessment of Automation Risks in Russian Regions]. *Innovacii*. no. 4, pp. 49–55.

Информация об авторе

Мерзляков Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, корпус 3. E-mail: merzliakovs@gmail.com

About the author

Sergei S. Merzlyakov, Candidate of Sciences (Philosophy), Research Fellow, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. Address: Russia, 119991, Moscow, Leninskie Gory, MSU, b. 3. E-mail: merzliakovs@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 29.04.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 21.07.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 28.07.2022